

МИРОВОЗЗРЕНИЕ НЕМЕЦКОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА XVIII века ГЕОРГА ФОРСТЕРА

Из ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ

Сборник статей к 75-летию академика

Вячеслава Петровича Волгина

М.: изд-во АН СССР. 1955. С.353-364

Веб-публикация: библиотека Vive Liberta и Век Просвещения, 2010.

Дополнительные ссылки на материалы в сети даны нами после статьи.

В блестящей плеяде имен эпохи просвещения конца XVIII в. в Германии выделяется яркая фигура ученого-материалиста и революционера Георга Форстера.

Георг Форстер родился в Насенгубене, около Данцига, в 1754 г., в ту эпоху, когда, по словам Энгельса, «...родились все великие умы Германии...»¹.

Жизнь Георга Форстера протекала необычно: родился он в немецкой семье, в детстве жил с отцом в России, воспитывался в Англии, провел два года на корабле во время второго кругосветного путешествия Кука, видел сказочные новые страны, затем жил и работал в Германии, участвовал в революции 1792 г. в Майнце и кончил свою жизнь в Париже, где ему выпала честь прочитать в Конвенте декларацию о присоединении первого немецкого демократического государства на левом берегу Рейна к революционной Франции.

Такова была бурная и полная тревог жизнь передового немецкого ученого XVIII в.

Георг Форстер был одним из тех передовых людей своего времени, которые думали о народном счастье и помогали немецкому народу вступить на демократический путь. Прославить имя Форстера, этого «немецкого Томаса Пэна», предлагал Энгельс. Большое значение Георга Форстера как передового мыслителя и революционера понял и выдающийся представитель русской общественной мысли Герцен. Он смотрел на Форстера, который следовал лучшим прогрессивным традициям немецкой культуры, как на прямого продолжателя Лессинга².

В настоящей статье мы остановимся на философских и социально-политических взглядах Форстера.

Мировоззрение Форстера сложилось рано под влиянием трудов Линнея, Бюффона, а также Адама Смита, Руссо, Гельвеция и Дидро. Свои философские взгляды Форстер не изложил в систематической форме, но они четко выражены в его статьях о человеческих расах, в которых он полемизирует с Кантом, в своей статье «Взгляд на целое природы» и в его письмах к философу Якоби, физику Лихтенбергу и анатому Земмерингу.

Взгляды Форстера были близки к кругу идей французских материалистов второй половины XVIII в. Критикуя немецких философов-идеалистов, Форстер выступал с позиций наиболее близких ему философов — Дидро, Руссо, Гельвеция.

Для Форстера, как для всякого механистического материалиста, природа и ее процессы — это единственная и притом законченная действи-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 7.

² А. И. Герцен. Собр. соч. и писем под ред. Лемке, М., 1919—1925, т. III, стр. 305—308.

тельность, в которой совершается круговорот материи. В своей работе «Взгляд на целое природы», которая должна была стать введением к задуманному им курсу естественных наук, Форстер несколько раз повторяет мысль об единстве и связности природы. Природа состоит из связанных членов одного организма. Вне природы ничего нет, и внутри этого целого материя и сила в своем взаимодействии образуют один поток движения, преобразования материи. «Целое этой машины стоит нерушимо; все же ее части подвижны». Внутри природы нет отчетливых границ, нет законченных и неподвижных индивидуальностей. «Все внутри мира построено на подвижности и изменчивости, а не на постоянстве и нерушимости. Материя всегда и всюду появляется в новой форме, изменяется в каждом своем воплощении, а в целом остается неизменной»¹. Здесь Форстер особенно близко подходит к Дидро, к его пониманию природы: «Всякое животное более или менее человек, всякое растение более или менее животное. В природе нет ничего резко разграниченного... Все при-
мыкает одно к другому, все составляет непрерывную цепь...»².

В рассуждениях Форстера мы находим отголоски закона сохранения материи, установленного Ломоносовым в «Размышлениях о причине теплоты и холода» и в «Рассуждениях о твердости и жидкости тел» и известного в европейских ученых кругах благодаря публикации на латинском языке — в 1750 и 1760 гг. Так, Форстер писал: «В системе, где все взаимно притягивается и притягивает, ничто не может пропасть, количество существующей материи остается одно и то же»³.

Форстер принимал, как предпосылку, идею единства человеческого знания и единства его метода. Такой всеобщей наукой должно стать естествознание. «Если в естественной истории, — говорит Форстер, — рассматривают каждый вид в своих условиях, то почему этот метод не переносят на человеческие условия, когда человек — это только часть общего мира животных». Наука о природе должна быть, по Форстеру, основой всех наук и метод ее — всеобщим методом всех наук.

В философских рассуждениях Форстера раскрывается слабость, недialeктичность механистического материализма. В реальной действительности, которую он принимал как данное, он не различал исторического развития от низших форм к высшим. Затем, как и все механистические материалисты, он полагал, что связь сознания человека с внешним миром осуществляется только посредством чувств человека. Чувства — это единственный источник познания. Для Форстера и разум имел ограниченный чувственный характер, он не считал его способным воспроизводить общее и существенное, связи и закономерности материального мира. Не понимая природы мышления, Форстер, сам того не желая, предоставлял лазейку для фидеизма и идеализма. В самом деле, если «для материалиста границы чувственного мира являются также границами всего существующего», как утверждал Форстер, то понятен и вывод его, что «ничто не может заставить разум выйти за эти пределы, если чувство собственной слабости не вызовет потребности в вере»⁴.

Лично Форстер относился отрицательно к религии. «Пусть весь мир верит во что хочет, а мне бы удовлетворить свою жажду знания и *ни во что не верить*» (подчеркнуто Форстером)⁵. Свой религиозный ин-

¹ Forster Samtl. Schriften, Bd. II, Leipzig, 1843, S. 326—327.

² Дидро Избр. соч., т. 1, 1926, стр. 165—166.

³ Forster. Samtl. Schriften, Bd. VIII, S. 45.

⁴ Там же, стр. 48.

⁵ Forsters Briefwechsel mit Sömmering, 1877, S. 290.

дифференцизм Форстер четко сформулировал в письме к Якоби: «Я хотел вас спросить не о том, какое кольцо (символ религии в «Натане Мудром» Лессинга.— Ю. М.) истинно или есть ли вообще истинное кольцо, но о том, что существуют пальцы, для которых ни одно кольцо не подходит, и все-таки такой палец может быть хорошим и полезным пальцем»¹.

Когда ученые аргументировали при помощи религиозных доводов и ими прикрывали существующую социальную несправедливость, то это вызывало у Форстера глубокое возмущение. По поводу рецензии геттингенского профессора Мейнерса в «Göttinger gelehrte Nachrichten» на книгу Людвига «Путешествие в Суринам» Форстер писал своему тестю Гейне: «Этому подлецу (Людвигу.— Ю. М.) не стыдно в предисловии утверждать, что торговля рабами разрешена в библии и что человек может быть другому человеку братом во Христе, а в физическом отношении его рабом. Как может Мейнерс поддерживать поповскую аргументацию?»². Свои материалистические взгляды Форстер выявил в полемике с Кантом по вопросу о происхождении человеческих рас.

Спор о происхождении человеческих рас, возникший между Георгом Форстером и Кантом в 1786 г., мало освещен в необъятной литературе о Канте и недостаточно оценен со стороны его внутреннего содержания. Спор этот имел между тем огромное значение потому, что впервые общепринятая идеалистическая система Канта была атакована с позиций материализма немецким ученым, и потому, что в этой дискуссии чрезвычайно ярко сказались сильные и слабые стороны обеих позиций.

В связи с программой своих лекций по антропологии Кант еще в 1777 г. в журнале «Der Philosoph für die Welt» поместил статью, посвященную проблеме человеческих рас. В 1785 г. он вернулся к этой теме и напечатал в «Berlinische Monatsschrift» вторую статью — «Bestimmung des Begriffs einer Menschenrasse». Эта статья нашла живую отповедь со стороны Георга Форстера. В ответ на статью Форстера «Noch etwas über die Menschenrassen», помещенную в «Teutscher Merkur» Виланда в 1786 г., Кант написал свою статью, уже чисто принципиального характера — «Über den Gebrauch teleologischer Prinzipien in der Philosophie», напечатанную также в «Teutscher Merkur» в 1788 г.

Кант весьма неохотно вступал в полемику, но к Форстеру, как к ученому-естествоиспытателю, Кант относился с особым уважением. «В чем мы оба согласны,— объяснял свое отношение к Форстеру Кант,— это в том, что все в естествознании должно быть объяснено естественно, потому что иначе это не может быть отнесено к этой науке... Недаром меня называют натуралистом... потому что я... не считаю возможным говорить богословским языком»³.

В определении расы Кант опирался на положение Бюффона, которое гласит, что животные, дающие при скрещивании плодовитое потомство, принадлежат к одному и тому же естественному виду. Существенным признаком естественного вида является способность воспроизведения. Отсюда можно сделать вывод, что и люди на всей земле относятся к одному естественному виду, так как они все способны друг с другом давать потомство. Следовательно, все люди, несмотря на свои различия, произошли от одного корня, принадлежат к одной семье. Эту моногенетическую гипотезу Кант предлагает принять как наиболее вероятную, так

¹ Forster Sämtl. Schriften, Bd. VIII, S. 290.

² Там же, стр. 89.

³ Kant. Über den Gebrauch teleologischer Prinzipien..., «Philosoph Bibl.», Bd. 50, Leipzig, 1920. S. 153.

как гипотеза, признающая только сходство между людьми, а не родство, и допускающая полигенез, т. е. множество местных происхождений, только без нужды увеличивает число первопричин. Чтобы отвести подозрение в том, что он в этом научном построении руководствуется авторитетом библии, Кант указывает, что «принадлежать к одному корню — это не значит происходить от одной первоначальной пары; это означает только, что многообразные формы, которые теперь встречаются у известного вида животных, вовсе не должны рассматриваться, как произошедшие от такого же количества первоначальных отличных форм. Если, таким образом, первоначальный корень людей состоял из любого числа лиц (обоего пола), которые все были одинаковые, то я в одинаковой мере могу производить современное человечество от одной пары, как и от многих»¹.

Если все люди принадлежат к одной семье, то их наследственные отклонения образуют только вариации от общего типа, только разновидности одного вида. Эти разновидности превращаются в расы, когда они в течение продолжительного времени в определенных климатических условиях приобретают ряд характерных и устойчивых особенностей, которые они способны сохранить и в других условиях.

Кантово определение расы интересно тем, что оно предполагает единство человеческого рода и руководствуется принципом историзма. В самом определении имеется уже понятие исторического развития. Кант делает из этого определения все необходимые выводы. В самом деле, если принять этот принцип родства, то надо признать необходимым создание новой научной классификации, основанной на этом принципе, и новой научной дисциплины, разрабатывающей те же факты с этой новой точки зрения. Линнеевская классификация, по мнению Канта, — это только номинальная классификация по принципу внешнего сходства; реальная классификация исходит из факта общего реального происхождения; тогда создается естественная система, которая подводит все многообразие под законы. Для того чтобы получить реальную «физическую систему для разума», надо от описания явлений природы перейти к их истории. «Ясно, что знание естественных вещей, какими они *сейчас* являются, всегда требует знания того, чем они *были когда-то*. Чтобы понять то состояние, в каком они сейчас имеются в данном месте при современных условиях, надо знать, через какой ряд изменений они прошли в прошлом. *Естественная история*, которой у нас почти нет, нам показала бы те изменения, которые претерпела поверхность земли, а также и растения и животные на своем естественном пути, и вытекающие отсюда отклонения от первоначального рода. Она бы привела, по всей вероятности, видимое множество различных видов к одному роду и превратила бы столь употребительную теперь школьную систему, основанную на описании, в физическую систему для разума»². Для этой науки Кант указывает и метод, которым следует пользоваться, а именно метод сравнения существующих форм с формами исчезнувшими. Такой палеонтологический метод был применен в ряде областей только в середине XIX в.

Эта часть работы Канта о расах, построенная на принципе историзма в приложении к органическому миру, включает в себе здоровое прогрессивное научное зерно. Заслуга Канта, как отметил Энгельс, заключается в том, что подобно тому, как солнечную систему вечную и неизменную он превратил в исторический процесс, так поколебал он и представление о том, что человеческий род не имеет истории во времени³.

¹ Kant. *Über den Gebrauch teleolog. Prinzipien...*, S. 52.

² Kant. *Von den verschiedenen Rassen der Menschen*. «Philosoph. Bibl.» Bd. 50, Lpz., 1920, S. 85.

³ См. Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, М., 1951, стр. 54.

Но дальнейшие рассуждения Канта раскрывают уже реакционную форму его дуалистической системы.

Кант пробует найти «идеи такого рода, чтобы объединить величайшее многообразие творений с величайшим единством происхождения». Вопрос он ставит еще так: если из общего корня получилось многообразие, то в чем заключается это общее постоянное и как оно проявляется в опыте? На это Кант отвечает, как и следует ожидать от философа априорного познания, следующим образом. Общее постоянное, связующее все изнутри, заключается в «задатках» и «естественных предрасположениях» организмов. Это первоначальное предрасположение, т. е. сама способность к развитию, является конституирующим фактором в организации, данным вместе с организмом. Кантовские «задатки» в организме совершенно выключены из естественного процесса развития. Они мыслятся у Канта как некие метафизические таинственные абсолюты, на которые ни время, ни внешняя среда не оказывают никакого воздействия. Они непостижимым образом вкладываются в организм до того, как он стал организмом; это то, что Кант называл «вещь в себе», что не может быть предметом познания, что априорно, вечно и непознаваемо и в то же время должно составить самую сущность организма. Энгельс объяснял априоризм Канта ограниченностью эпохи: в эпоху Канта наше познание материальных вещей было еще настолько отрывочным, что за каждой из них можно было еще допускать существование особой таинственной «вещи в себе».

Ложная идея о вечных задатках привела Канта к тому, что он построил химерического «прачеловека», т. е. такого первичного человека, в котором заложены были в потенции все задатки. Даже сам Кант предупреждал, что такого человека нельзя найти на земле, что он даже не мог существовать, но тем не менее он предлагал его допустить и мыслил путь его развития от полноты, которая дана только в виде потенции, через частичное развертывание этих возможностей в результате столкновения с внешним миром, к реализованной полноте, которая осуществляется коллективно в процессе истории. Кант формулирует эту мысль еще так: «Человеческий род постоянными усилиями раскрывает всю полноту заложенных в человечестве естественных задатков»¹.

Априоризм Канта в области биологии использован реакционными естествоиспытателями для подкрепления воинствующего идеализма и фидеизма против подлинной науки.

Эту опасность метафизических лженаучных утверждений Канта ясно понимал Форстер, когда вступал в полемику с Кантом. С позиций материализма Форстер правильно возражал против того, чтобы в научном исследовании за исходную точку принималась какая-то метафизическая неподвижная абсолютная и вечная идея. Такой метод, такая «предвзятость», как он выражался, ненаучна. Она редко ведет к открытию фактов и только заглушает науку бесплодными, а иногда и вредными гипотезами. Но историзма Канта Форстер не мог понять. Материалистическая философия признает развитие как действительный факт, имеющий место в мире. То, что современный мир явился результатом длительного исторического процесса, известно было и древним философам; эта мысль встречается во всех натуралистических системах до Форстера, начиная с Эмпедокла и кончая Бюффоном, но механистическому материализму XVIII в. не удалось в своей теории познания приложить принцип развития к познанию мира. Если весь материальный мир есть замкнутая

¹ Kant. Über Pädagogik. «Philosophische Bibliothek», Bd. 50, S. 193.

система и если человеческое сознание, как часть этой системы, неспособно исследовать больше того, что «попадает в два маленьких отверстия и вызывает движение мозга», как выражался Форстер, то, естественно, что задача показать, как развивался мир конкретно, становится невозможной. Сознание у материалистов XVIII в. мыслится как отражающее реальный мир. Но само это сознание у них не включено в исторический процесс, оно мыслится метафизически, а не в своем развитии. Форстер вполне последовательно выразил мысль своей философской школы, когда говорил, что «естественная история — это наука для богов, но только не для людей»¹. «Кто может проследить историю хоть одного вида, если этот вид не образовался на наших глазах, кто наблюдал землю в те далекие времена, когда образовались животные и растения? Кто может нам сообщить, сколько отдельных видов в различных частях света организовалось из мягкого плодородного ила морского? Кто так мудр, чтобы нас научить, однажды ли и в одном ли месте или в совсем различные времена, в различных частях света стали постепенно возникать органические силы и, освобождаясь из объятий породившей их материи, выходить из глубин океана на поверхность? Эти вопросы остаются без точного ответа».

Если, как полагал Форстер, жизнь появилась на всем земном шаре в результате каких-то комбинаций материи, то и род человеческий, надо думать, образовался по такому же принципу. Все явления природы имеют общую материю, а модификации вызваны различными действиями среды. Если таково происхождение растений и животных на земле, то человек не является исключением из всего органического мира. И Форстер на этом основании предполагал, что возникновение людей должно было произойти по аналогии с растительным миром на всей земной поверхности, сообразно тем внешним условиям (климат, почва и т. д.), которые его в данном месте конкретно образовали. Самая приспособленность человека к своему климату и своей внешней среде легче всего по Форстеру объясняется именно его локальным происхождением. Таким образом, Африка произвела своих людей, Азия — своих, и нет ничего проще, как допустить несколько первоначальных человеческих родов, возникших в разных местах в тех или иных конкретных условиях.

Свою точку зрения Форстер считал ясной и убедительной, вполне достаточной для научного выяснения понятия расы. Он предвидел только два возражения. Одно — со стороны теологов, которые могут ему указать, что его полигенетическая гипотеза противоречит «древней книге», признающей общее происхождение человеческого рода. Но обвинение в ереси не может утешить подлинного философа, полагал он. Другое возражение — серьезнее, так как оно задевало моральную сторону вопроса. Оно заключалось в следующем. «Если мы, — говорит Форстер, — так резко отделяем негров от белых людей, то не разрезаем ли мы тем самым последнюю нить, которая связывает этот обездоленный народ с господствующей расой. Может быть, теоретическое обоснование единства человеческой расы умерило бы жестокость европейцев по отношению к несчастной черной расе». На это Форстер отвечал, что идеи, одни только идеи, исполненные добрых чувств, не могут изменить реальных отношений между людьми. «Скажите, — так ставил он вопрос всему христианскому миру, — разве идея о том, что черные наши братья, хоть где-нибудь остановила поднятую плеть рабовладельца? Наконец, разве связь, бесспорная связь, скрепляющая расу белых, мешает выродившимся европейцам так же деспотически управлять белыми братьями, как

¹ Forster. Kleine Schriften, Bd. 2, B., 1794, S. 315.

они это делают по отношению к неграм? Очевидно, что влияние идей здесь бессильно, и в георетическом споре остается только руководствоваться истиной, то есть совпадением мысли с действительностью, которая исправляет мысль, если она не истинна».

В дальнейшем полигенетическая гипотеза была опровергнута наукой. На ее неправильных положениях действительно был построен расизм, та человеконенавистническая «теория» о неравенстве людей, которую с горечью предвидел Форстер и которая вызывала уже тогда его глубокое возмущение. Форстер разоблачал расизм, считая его бесчеловечным. В письме к Якоби от 1 ноября 1789 г. он писал. «Мейнерс выставлял гипотезу, что существуют два вида людей — кельты и монголы, кельты совершенны в моральном и физическом отношении, а монголы уродливы и имеют неприятные склонности. В последней статье он прямо называет монголов порочными людьми». Эти «аподиктические утверждения» Форстер называл необоснованными и безразветвенными.

В полемике с Кантом Форстер не мог понять сильной научной стороны позиции Канта в вопросе о расах, он не сумел разбить ложные взгляды Канта и противопоставить им правильное решение проблемы, которая в то время на том уровне научных знаний еще не могла быть решена. Но несомненная заслуга Форстера заключалась в том, что он сделал первую попытку борьбы с кантовским априоризмом с позиций материализма.

Условия жизни, в которых Георг Форстер находился с ранних лет, наталкивали его на изучение экономических проблем. Он изучал экономические и политические явления, которые имел возможность наблюдать в Англии, России, Германии и во время своих далеких путешествий. Эти наблюдения и огромный запас статистических фактов, собираемых им всюду, куда бы судьба его ни забросила, доставляли ему материал для социально-политических обобщений. Его отец, Иоганн Рейнгольд Форстер, вскоре после смерти Георга высказал однажды любопытную мысль: «Моему сыну уже в Петербурге нравилась статистика, которую он прилежно обрабатывал; вероятно, это была та искра, которая в конце его жизни, наряду с другими причинами, зажгла его и заставила принять участие в политических делах Майнца»¹.

Старый Форстер был, конечно, прав, когда почувствовал связь между интересом сына к экономической действительности, проявленным уже в ранней юности, и революционной деятельностью его в конце жизни.

Четырнадцатилетним мальчиком Форстеру пришлось работать в суконой лавке в Лондоне, и он имел возможность наблюдать промышленную жизнь Англии. Конечно, в конце 60-х годов XVIII в., т. е. в годы пребывания Форстера в Англии, промышленная революция там только начиналась. Мы не имеем данных, которые позволили бы нам судить, насколько Форстер уже тогда отдавал себе отчет в грандиозности происходящего. Во всяком случае, мы с уверенностью можем сказать, что знакомство с экономической и политической жизнью Англии в основном определяло мировоззрение Форстера. Это личное знакомство дополнялось хорошим знанием английской литературы и английской прессы, за которыми он следил с исключительным вниманием, и подробной научной и политической информацией, которую он получал от своих постоянных корреспондентов в Англии.

С такой же уверенностью мы можем утверждать, что на экономические взгляды Форстера решающее влияние оказал Адам Смит и что Форстер может быть причислен к одним из ранних его последователей.

¹ Klein Forster in Mainz, 1863, S. 488, Nachträge

Вероятнее всего, Форстер познакомился с основным произведением Смита «Богатство народов» в год его появления (1776), так как в это время он находился в Англии. Во всяком случае в «Истории английской литературы за 1790 г.», напечатанной в «Анналах» Архенгольца, Форстер говорит об Адаме Смите по поводу шестого издания его «Теории нравственных чувств», как о популярном и уже широко известном авторе даже в Германии. Но никому в Германии не могла быть так понятна и близка экономическая система Смита, как Форстеру, так как он хорошо знал и ту почву, которая ее питала. Вместе со Смитом он полагал, что производительным трудом является не только труд земледельца, но и мануфактурного рабочего, фабриканта и купца. Исходя из интересов новой нарождающейся промышленности и мировой торговли, Форстер, вслед за Смитом, был горячим сторонником свободных экономических отношений и свободного обмена и резким противником всех видов монополий и регламентаций. Восприняв систему Смита, Форстер горячо пропагандировал развитие капиталистических отношений, поощрял новые производства, видя в этом ростки лучшей жизни, некий социальный прогресс.

Хотя он с осуждением говорил о грядущих войнах между конкурирующими передовыми странами и энергично клеймил порабощение колоний, но все же он приветствовал все ростки крупной промышленности и мировой торговли. Он ставил купца-предпринимателя, ведущего торговлю со всем миром, на исключительно высокое место. Такой человек выполняет, по мнению Форстера, высшее назначение человека, он мыслит, действует и заключает в себе весь объективный мир. Развитие промышленности и торговли ведет, с одной стороны, к войнам и грабежам, с другой — к укреплению международных связей. Форстер с большим подъемом описывал картину, свидетельствовавшую о развитии мирового хозяйства. Шерсть из Бильбао и Кадикса выгружалась с судов в Остенде, откуда она по каналам направлялась в Ахен; здесь она превращалась в дорогие сукна и шла через итальянские порты в Константинополь или продавалась на франкфуртской или лейпцигской ярмарках для дальнейшего следования в далекую Московию и даже в Китай. Такое передвижение вещей из одного конца мира в другой, осуществляемое энергией промышленников и купцов, приводило Форстера в восхищение.

Для Форстера, как и для Адама Смита, через промышленность осуществлялась свобода отдельной личности и независимость наций. В этой связи чрезвычайно любопытна его мысль о необходимости приобщить к промышленному развитию примитивные народы, к которым Форстер питал большую симпатию и жалость. «Я считаю, что нет лучшего средства прекратить торговлю неграми, как научить негров производить в собственной стране те товары, на которые они обменивают рабов у европейцев. Некоторую степень промышленности эти люди все же имеют»¹. Он не рассчитывал на то, что проповедью равенства и братства среди европейцев можно добиться каких-нибудь реальных результатов для вне-европейских народов; он был уверен, что их спасенье только в промышленной революции, в освобождении собственных производительных сил.

Энтузиаст промышленного переворота, Форстер, должно быть, с жадным интересом присматривался к новой Англии, когда летом 1790 г. ему вновь пришлось там побывать. Это путешествие 1790 г. по Рейну, Бельгии, Голландии, Англии он описал в своем главном произведении «Виды Нижнего Рейна, Голландии и Англии», которое прочно вошло в немецкую классическую литературу XVIII в. К сожалению, его труд остался

недописанным, и о его путешествии по Англии можно судить лишь по обрывочным записям. Но все же и эти заметки дают некоторое представление о том, на что Форстер смотрел в Англии и чего он от нее ждал. «Прошло 12 лет с тех пор, как я покинул Англию. В это время должны были произойти существенные перемены у народа, чья деятельность приобрела такой бурный характер. Априори можно было этого ожидать, апостериори заключить из всех фактов новейшей истории»¹.

Таким образом, Форстер сознавал значительность событий, связанных с техническим переворотом в Англии. Он ждал исключительных перемен в этой стране. Он думал, что увидит совсем другую, в корне измененную Англию, даже говорящую на каком-то другом английском языке, созданном новым экономическим строем. Судя по его записям, он как будто пережил разочарование. Правда, он пишет о том, что изменился быт, что изменился внешний облик мужчин и женщин, замечен был подъем благосостояния, появился своеобразный английский комфорт, как одно из следствий промышленной революции. Много места в его записях отведено строительству каналов, связывающих промышленные и угольные центры; отметил он и город Кромфорд у нового судоходного канала, где построил себе дом «сэр Ричард Аркрайт», в то время уже знаменитый промышленный магнат. После посещения Сохо, нового мануфактурного города Болтона, Уатта и Фоссергилла около Бирмингема Форстер записал, что там работает тысяча рабочих и среди них много женщин и детей. Проблема создания класса наемных рабочих его очень занимала, и он отдавал себе отчет в том, что появление нового класса неизбежно будет сопровождаться огромными социальными сдвигами. Увлекаясь перспективой, открывавшейся для промышленности, Форстер все же не представлял себе всех тех страданий, которые принесет с собой для рабочего класса новый вид эксплуатации. Но он задумывался над тем, как примирить промышленный прогресс с условиями жизни и работы крестьян. Ему было совершенно ясно, что все стороны этого прогресса находятся между собой в неразрывной связи. «Путем внимательного исследования можно установить то, в чем опыт нас давно уже убедил, а именно: что ужасный гнет, под которым стонет крестьянин,— это первое и непреодолимое препятствие для развития всех видов индустрии»². Исходя из этого, Форстер требовал освобождения крестьян от всех феодальных повинностей, освобождения земельной собственности от власти сеньера, свободного труда. Он защищал интересы самостоятельных маленьких собственников — крестьян и рабочих, связанных свободными договорами, но в первую очередь интересы промышленной буржуазии, требовавшей свободы конкуренции. «...Вопрос собственности был жизненным вопросом буржуазии», — писал Энгельс³. «Для английской, как и для французской, революции вопрос собственности состоял в свободе конкуренции и уничтожении всех феодальных отношений собственности: помещичьей власти, цехов, монополий и т. д., которые превратились в цепи для развившейся в течение XVI—XVIII столетий индустрии»⁴. Именно так смотрел на этот вопрос Форстер.

В тесной связи с философскими и экономическими взглядами Форстера были и его политические симпатии. Как истинный последователь передовой идеологии XVII в., Форстер принимал учение Руссо об общественном договоре, на основе которого была развита идея народного

¹ Forster. *Ansichten vom Niederrhein...*, Bd. III, 1843, S. 380.

² *Ibid.*, S. 103.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.*, т. V, стр. 209.

⁴ Там же, стр. 208—209.

суверенитета. Ему особенно была близка мысль Руссо, что исполнительная власть подчинена народу и что каждый гражданин является слугой народа. Форстер глубоко ненавидел все остатки феодальной реакции в современной ему политической жизни и разоблачал эти реакционные признаки под любым покровом и где бы они ни проявлялись. С этой точки зрения он резко осуждал и парламентский строй Англии, требовал парламентской реформы, считал, что этот строй находится в противоречии с нарождающейся промышленной системой. Английский парламент, собранный на основе сословных выборов с отстранением новых крупных промышленных центров от политической жизни, Форстер прямо называл варварским¹.

Свобода хозяйственной деятельности граждан, которую Форстер защищал в интересах государства, была для него, как и для передовых представителей буржуазии в Англии и Франции, связана с необходимостью освобождения личности и в других отношениях. «Всякое ограничение воли, которое не необходимо для государства, опасно для нравственного состояния членов общества... Мудрым деспотам надо указать дорогу и требовать, чтобы они своим подданным предоставили неограниченную свободу совести, слова и печати, которая дала бы возможность людям говорить о положении в государстве, о его недостатках и способах их исправления»². И здесь, как и в других местах, Форстер говорит о широком народном представительстве, о политической свободе, о правах личности.

Еще до французской революции он стоял за буржуазную демократию, требовал широкого представительства, полного уничтожения сословных привилегий и феодальных повинностей. Он сочувствовал борьбе американских колоний за свою независимость и восхищался деятельностью Вениамина Франклина.

Форстер примкнул к французской революции, которая до конца его жизни казалась ему «величайшей, самой важной и удивительной революцией в развитии человеческого рода»³. Как только Форстер получил весть о взятии Бастилии, он сразу понял, что это грандиозное событие было идейно подготовлено материалистической философией XVIII в., что эта революция не просто французская, что она должна найти широкий отклик в мире. Материалистическая философия научила Форстера понимать линию развития революционного процесса. Если материя, превращаясь, меняет свои формы, если из гибнущих организмов создаются новые организмы, то и пережившие себя общественные формы неизбежно должны перейти в новые формы. И как в природе, так и в человеческом обществе одна форма переходит в другую через катастрофу, через смерть. Во Франции одна общественная формация сменяет другую, создается новая конституция, построенная на самых передовых принципах, но Форстер понимает, что и этому обществу и этой конституции придет на смену новые формы жизни, отвечающие более высоким требованиям и интересам. «Конституцию 93 года будут в дальнейшем изменять и штопать, пока она не разорвется, но сейчас она нужна и хороша», — утверждал Форстер.

Во время революции Форстер пережил разочарования, понял неизбежность внутренних противоречий в революции, ее ограниченность. Но его никогда не покидала уверенность, что «французская свобода, хотя

¹ Forster. Kleine Schriften, Bd 2, S. 12.

² Forster. Ansichten vom Niederrhein, S. 123.

³ Forster Samtl. Schriften, Bd. 6, S 314.

и не совершенный идеал, но все-таки она лучше, чем неисчислимы другие государственные формы», что «она делает человека активным», что она дает человеку родину. Так он писал в декабре 1792 г., когда сам был участником этой революции в Майнце.

Живя с апреля 1793 г. до своей смерти в январе 1794 г. в Париже, Форстер принимал участие в жизни революционной страны и продолжал расти вместе с революцией. За полгода пребывания Форстера в Париже произошло чрезвычайно быстрое развитие его политических и социальных взглядов. Он приехал в Париж жирондистом, но после 2 июня понял, что республика не погибла с Бриссо и Верньо, что она должна была от них освободиться, чтобы не погибнуть. Осенью 1793 г. Форстер твердо стоял на позициях якобинской диктатуры. Революция в своем поступательном движении переходила от политического наступления на старый порядок к строительству новых форм экономических и социальных отношений, и этот процесс целиком увлек Форстера.

В своем последнем произведении «Парижские очерки», написанном в ноябре 1793 г., Форстер излагает свое понимание французской революции. Перед ним вырисовывались два мира; один представлен был Францией, другой — Германией; один жизнеспособный, другой отживающий и неоправданный. Деспотизм и демократия, как показал Форстер, — это две противоположные друг другу системы: при деспотизме народ представляет собой безжизненную массу, мертвое тело, а при демократии народ суверенен. Особенно энергично говорил Форстер о роли масс в революции. Он показывал в своих «Очерках», что революция охватила массы, что принципы республиканской свободы глубоко и повсеместно пустили корни, потому что они доступны для понимания всех. «Если партия якобинцев в данный момент у руля, то каждый день убеждает нас, что они действуют как слуги, а не как повелители государств... они управляют, но они стоят под неусыпным контролем народа, и только священнейшее удовлетворение интересов народа может им дать опору общественного мнения»¹.

Основную положительную ценность революции Форстер видел в том, что в своем движении она захватывает массы и делает их активными, творческими, что по самому существу своему революция глубоко демократична. В якобинской Франции Форстер различал новые формы благородного человеческого коллектива. «Я подхожу к самому сильному действию революции... Она убила жадность, корысть, стремление к наживе, одним словом, худший вид рабства, до которого мог спуститься человек в своей зависимости от мертвых вещей».

На формирование взглядов Форстера определенное влияние оказала и современная ему литература. Летом 1793 г. в Париже он читал «Трактат о политическом равенстве» Годвина и соглашался с его пониманием идеи равенства. Несомненно, что Форстер был знаком с кругом идей «Cercle social», так как весной и летом 1793 г. он был близок с немецким эмигрантом Эльснером, который в своих корреспонденциях в немецком журнале «Minerva» описывал многолюдные собрания «Cercle social» и выступления аббата Фоше, объяснявшего «Общественный договор» Руссо и выставлявшего требования имущественного равенства².

Форстер писал жене из Парижа, что статьи Эльснера являются лучшими в журнале «Минерва». Сам Эльснер был впоследствии близок с Сен-Симоном. Варнхаген фон Энзе даже утверждал, что «в сочинениях

¹ Forster, *Sämtl. Schriften*, Bd. 6, S. 332.

² «Minerva», 1792, April, Hamburg, S. 341—343

